

Цзи Шунуань казалось, что за столько дней они с Вэнь Сяньцю вполне могут называть себя подругами, и она совершенно забыла, что здесь она — тяньюань, а Вэнь Сяньцю — вэньюань, они заключили брак, и в глазах всех остальных их связывали узы супругов, но никак не дружба. Такая закинутая на плечо рука выглядела поистине двусмысленно и интимно. Вэнь Сяньцю слегка замерла, глядя на лежащую на ее плече руку, после чего ее бесстрастное лицо сменилось выражением тревоги.

— Жена, а что за лекарство от укачивания? Тебе нездоровится? — мягко спросила Вэнь Сяньцю.

Ее нежный голос звучал прямо над ухом, а от тела исходил приятный легкий аромат цинланы — он наконец-то позволил Цзи Шунуань почувствовать себя немного лучше и унять тошноту.

— Ничего особенного, просто в повозке так трясет, мне нехорошо. Позволь мне немного опереться на тебя, и все пройдет, от тебя так приятно пахнет, — тихо проговорила Цзи Шунуань и, не дожидаясь ответа Вэнь Сяньцю, бесцеремонно прижалась к ее плечу.

Хотя Вэнь Сяньцю была вэньюанем, она оказалась на редкость высокой — даже выше прежней владелицы тела, бывшей тяньюанем. Мяса на ее плечах было немного, и опора казалась жестковатой, зато пахло превосходно. Цзи Шунуань не знала, объяснялось ли это инстинктами тяньюаня или просто личной привязанностью к запаху Вэнь Сяньцю, но она была абсолютно зачарована этим легким ароматом цинланы. Подобный запах точно не могла воссоздать ни одна современная парфюмерия — это был чистый, неповторимый аромат, присущий только самой Вэнь Сяньцю. Чем ближе она придвигалась к ее затылку, тем насыщеннее становился этот запах. Впрочем, у Цзи Шунуань не хватило бы смелости прильнуть к самому затылку Вэнь Сяньцю ради еще более сильного аромата: это место было самым уязвимым как для тяньюаней, так и для вэньюаней, а также источником их истинной ци. Дотронуться туда разрешалось лишь во время близости, либо при нанесении метки и печати.

— Жена, мы же на улице, — Вэнь Сяньцю почувствовала, как голова Цзи Шунуань опустилась ей на плечо, и услышала сдавленное дыхание, с которым та втягивала ее запах.

Брови Вэнь Сяньцю на мгновение сошлись в заметной складке, но тут же быстро разгладились. Уловив намек в ее словах, Цзи Шунуань отчасти все поняла: она знала, что в сердце Вэнь Сяньцю ее воспринимали как тяньюаня, а не как женщину, и подобное сближение уже граничило с излишней интимностью. Но... ее телу было так невыносимо плохо! Цзи Шунуань и не подозревала, что укачивание в дороге способно вызывать столь сильное головокружение.

— Прости, я не со зла. Просто... опираясь на тебя, мне становится легче, а мне и правда очень плохо. Позволь мне прислониться, ну хоть на самую капельку, ладно? Я сейчас же встану, — Цзи Шунуань казалось, что Вэнь Сяньцю излишне придирчива, но в то же время ей совсем не хотелось убирать голову с ее плеча.

Ей было настолько худо, что она пошла на это, к тому же именно рядом с Вэнь Сяньцю боль отступала. Вставать ей не хотелось, да и прав качать права перед Вэнь Сяньцю у нее не

имелось, поэтому оставалось лишь ластиться в надежде, что та позволит ей побыть так еще пару минут. Сладковатый голос Цзи Шунуань донесся сбоку, тело Вэнь Сяньцю едва заметно напряглось, она опустила взгляд и покосилась на прикинувшую к ее плечу девушку, но в конце концов ничего больше не сказала.

— Вот как... Тогда прислоняйся, раз так, жена, — произнесла Вэнь Сяньцю.

В повозке воцарилась тишина. Закрыв глаза и переведя дух, Цзи Шунуань наконец почувствовала, что тошнота и головокружение немного отступили. В этот момент повозка остановилась: возница Хэ Шэн сообщил, что впереди дорога перекрыта и придется объезжать храм окольными путями. Цзи Шунуань лишь хмыкнула в ответ, не придавая этому особого значения. Повозка тронулась с места, свернув на еще более ухабистую горную тропку, как вдруг запряженные снаружи лошади издали пронзительный предсмертный визг, и вся повозка резко встала как вкопанная.

— Госпожа, госпожа, беда! Мы нарвались на бандитов! — закричала Сяо Цуй, торопливо отдергивая занавеску, чтобы разбудить тех, кто еще ничего не подозревал.

Однако не успела она договорить, как разбойники с занесенными мечами уже в несколько шагов приблизились к ним. Цзи Шунуань впервые столкнулась с подобным. Раньше, стоило ей выйти из дома, телохранители неотступно следовали по пятам, и она даже подумать не могла, что обычная поездка в храм за благословением обернется такой неудачей.

Видя, что бандиты направляются прямо к ним, Цзи Шунуань лихорадочно принялась оценивать обстановку. Среди людей семьи Цзи тяньюанем была только она одна, и в открытом столкновении у них не было никаких шансов на победу. Единственным выходом оставалось позвать на помощь — кто-то из них должен был прорваться наружу, но она не могла просто бросить Вэнь Сяньцю и сбежать. Если Вэнь Сяньцю попадет в руки разбойников, ее участь окажется куда страшнее, чем в прошлой жизни.

Поразмыслив над всем, Цзи Шунуань перевела взгляд на стоявшую рядом Сяо Цуй:

— Сяо Цуй, беги! Отсюда до города недалеко, живо отправляйся в уездную управу и скажи, что люди из семьи Цзи попали в беду — они наверняка примчатся немедленно.

Сяо Цуй поняла, что иного выхода нет, кивнула и, воспользовавшись тем, что разбойники не смотрят в их сторону, мгновенно выскользнула с задней стороны повозки, бросаясь бечь по дороге назад. Заметив ее побег, бандиты тут же бросились в погоню. Выбрав момент, Цзи Шунуань схватила лежавшую рядом деревянную шкатулку для еды и со всего размаху швырнула ее прямо по голове преследователю. Получив удар, разбойник споткнулся, качнулся и, обернувшись, увидел Цзи Шунуань, уже выбравшуюся из повозки. Толпа бандитов расплылась в улыбки до ушей, словно обнаружила на земле кучу золота.

— Надо же, какая встреча! Кто бы мог подумать, что мы столкнемся с вами на этой дороге, барышня Цзи, как поживаете в последнее время?

Перед ними стоял Ху Лаосань — пресловутый местный хулиган и повеса из Шачэна. Цзи Шунуань никак не ожидала, что он узнает ее, вернее, прежняя хозяйка тела была с ним отлично знакома. Покопавшись в памяти, она вспомнила, что та действительно знала Ху Лаосаня: в прошлой жизни они с ним в сговоре опорочили доброе имя Вэнь Сяньцю, да и денег она ему платила немало, заставляя выполнять всякую грязную работу.

Все эти бандиты во главе с Ху Лаосанем были тяньюанями. Сама Цзи Шунуань некогда занималась вольной борьбой и саньда, поэтому считала, что справиться с парочкой разбойников для нее не составит труда, но при наличии у тех оружия исход схватки становился непредсказуемым. Она не знала, удастся ли ей откупиться от Ху Лаосаня деньгами — это было бы еще полбеды. Хуже всего обстояли бы дела, если бы эти подонки потеряли рассудок и потребовали их жизни. Сохраняя холодный рассудок, Цзи Шунуань мысленно взвешивала варианты и протянула руку, заслоня собой Вэнь Сяньцю. Поскольку все ее внимание было приковано к Ху Лаосаню, она совершенно упустила из виду, что стоящая за ее спиной Вэнь Сяньцю тоже с нескрываемым отвращением смотрит на Ху Лаосаня.

— Раз уж вы знаете, кто я, договориться будет проще. Деньги — не проблема, у семьи Цзи их вдоволь. Отпустите меня с женой, и вознаграждение вас не минует, — произнесла Цзи Шунуань, надеясь, что Ху Лаосань и его прихвостни согласятся взять выкуп. В таком случае, стоило ей только добежать до властей, как все уладилось бы наилучшим образом.

Но едва она умолкла, как те разразились хохотом, словно услышали какую-то уморительную шутку.

— Послушайте-ка, старшая барышня Цзи, вы и впрямь считаете нас дураками? Ваша служанка побежала к чиновникам, и если мы отпустим вас сейчас, то не только останемся без гроша, так нас еще и в розыск объявят! Зато у меня есть отличный план: отдайте-ка нам свою раскрепасную жену, и мы так уж и быть позволим вам уйти целой и невредимой. Потом принесете денег для выкупа, скажете властям, что вышла досадная ополка, и дело с концом. Как вам такое предложение? Разумеется, если своя жена вам не нужна, мы не против и сами как следует ее утешить, — расхохотался Ху Лаосань, а стоявшие за его спиной тяньюане даже не пытались скрывать плотское вожделение в глазах.

Видя, как они рассуждают о Вэнь Сяньцю как о какой-то вещи, а их лица искажает отвратительная, сальная похоть, Цзи Шунуань понимала: поступи так прежняя хозяйка тела, она бы ради собственного спасения без колебаний отдала Вэнь Сяньцю этим подонкам. Но теперь, когда в этом теле оказалась она, Цзи Шунуань ни за что и ни при каких обстоятельствах не смогла бы поступить подобным образом. Лихорадочно соображая, как выпутаться из ловушки, она вдруг почувствовала, как сзади ее кто-то коснулся — ледяная, пронзительно холодная рука заставила Цзи Шунуань вздрогнуть от неожиданности.